

Лу Чэнь¹, Нури Джаннат^{1, 2}✉

✉ nurejannat00@gmail.com

¹Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация²Ноахалийский научно-технический университет, г. Ноахали, Бангладеш

Структура женских персонажей в русской литературе XIX–XXI века

Аннотация: Роль гендерного аспекта в художественном тексте имеет важное теоретическое и историко-литературное значение. Вместе с тем особого внимания требует определение статуса женского образа в системе целого на каждом этапе развития литературы. В этом плане актуальность приобретает сравнительный аспект структуры женских персонажей в разные исторические периоды. Целью настоящей статьи является исследование типологии и эволюции структуры женских персонажей русской литературы на протяжении последних двух столетий, начиная со стихотворного романа «Евгений Онегин» и заканчивая недавно изданным романом «Петровы в гриппе и вокруг него». Авторы статьи полагают, что реализация структуры женских персонажей возникает в результате когнитивного моделирования определенных процессов в творческом сознании автора, охватывающем прежде всего аспекты семантики текста и его сюжетного воплощения. В итоге исследования становится очевидным, что образ «новой женщины» как семантической единицы текста оказывается художественным конструктом на каждом этапе литературного развития. Важно отметить, что как внутри каждого периода, так и в сравнении разных периодов происходят качественные изменения, связанные не только с изменениями самой действительности, но и с трансформацией внутренних законов литературы. Примечательно, что на фоне таких изменений можно обнаружить устойчивые, повторяющиеся признаки структуры женских персонажей, включающих и типологическую общность, и интертекстуальные переклички.

Ключевые слова: русская литература, гендер, структура женских персонажей, семантическая единица текста, интертекстуальность.

Дата поступления статьи: 22 марта 2023 г.

Для цитирования: Лу Чэнь, Нури Джаннат (2023) Структура женских персонажей в русской литературе XIX–XXI века. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 4, с. 7–20. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.4.1.

Scientific article

Lu Chen¹, Nure Jannat^{1, 2}✉

✉ nurejannat00@gmail.com

¹Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation²Noakhali Science and Technology University, Noakhali, Bangladesh

The structure of female characters in Russian literature of the XIX–XXI century

Abstract: The role of gender in the fiction text has important theoretical and historical literary implications. At the same time, the determination of the status of the female image in the system of the whole at each stage of the development of literature requires a special status. In this regard, the comparative aspect of the structure of female characters in different historical periods is of particular relevance. The aim of this article is to investigate the typology and the evolution of the structure of female characters in Russian literature over the past two centuries, starting with the verse novel Eugene Onegin and ending with the recently published novel The Petrovs in and Around Flu. The authors of the article believe that the realization of the structure of female characters is the result of the cognitive modelling of certain processes in the creative consciousness of the author, covering mainly the aspects of the semantics of the text and its plot embodiment. As a result of the study, it becomes clear that the image of the “new woman” as a semantic unit of the text turns out to be an artistic construct at each stage of literary development. It is important to note that within each period, as well as in the comparison of different periods, there are qualitative changes associated not only with changes in reality itself but also with the transformation of the internal laws of literature. It is noteworthy that against the background of such changes, one can find stable, recurring features of the structure of female characters, including both typological commonalities and intertextual interchanges.

© Лу Чэнь, Нури Джаннат, 2023

Keywords: Russian literature, gender, structure of female characters, semantic unit of text, intertextuality.

Paper submitted: March 22, 2023.

For citation: Lu Chen, Nure Jannat (2023) The structure of female characters in Russian literature of the XIX–XXI century. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 4, pp. 7–20. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.4.1

Введение

Настоящая статья посвящена изучению структуры женских персонажей и роли, которую они играют в системе целого в русской литературе XIX–XXI веков. Категория персонажа вызывает всё возрастающий интерес литературоведов. При этом «исследовательская интерпретация персонажа как константы текста выявляет его двойственную природу. С одной стороны, эта текстовая категория проливает свет на жизненный опыт автора как реальной психологической личности, с другой стороны – является логическим результатом когнитивного моделирования, наблюдаемого в сознании автора как творческой личности. Подобная двойственная природа “внедрения” персонажа в виртуальное пространство текста, в свою очередь, становится источником воздействия на эмоционально-волевую сферу читателя, его уникальной интерпретации реальных жизненных ситуаций, в которых обнаруживается вымышленный персонаж» (Амирханян, Кудряшов, 2015).

Женщина как структурный персонаж на протяжении последних 150 лет оказывалась в центре внимания читателей, литературной критики и литературоведов как в плане семантики текста, так и при обращении к его сюжетике. Естественно, в этой связи в центре внимания оказывались прецедентные тексты Пушкина, Тургенева, Гончарова, а также произведения наших современников, вызвавшие значительный читательский интерес. При этом исследователи предлагают разные опции, позволяющие высветить женские образы. Так, Н. Воронцова-Юрьева изучает образ Татьяны Лариной в плане психологических и психиатрических подходов (Воронцова-Юрьева, 2008). Н. Л. Бродский в своих комментариях ориентируется на социальные практики 1930-х гг. (Бродский, 1932). В. В. Набоков, напротив, стремится выявить историко-культурный контекст, описав через него сюжетную структуру произведения (Набоков, 1998). Такое же разнообразие методов исследования от вульгарно-социологических схем до постмодернистских экзерсисов можно наблюдать и при обращении к текстам Тургенева и Гончарова.

Русская литература XX века продолжила традицию изображения «новой женщины», выделяющейся чертами характера и необычными поступками из общей массы. Достигнув формального равенства с мужчинами, женщины остро почувствовали необходимость утверждения экзистенциальной свободы. Обращение к двум произведениям наших современников – повести В. Г. Распутина «Живи и помни» и роману А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» – выявило два полюса в процессе обретения внутренней свободы главными героинями этих произведений. Названные произведения оказались в поле изучения современных исследователей в плане как проблематики, так и поэтики женских образов. Причем повесть Распутина оказалась исследованной в гораздо большей степени в сравнении с романом Сальникова. Произведением, в котором, по мнению критиков и литературоведов, воплотились женские черты героинь предвоенного и военного периодов (Настёны и Надьки), является «Живи и помни» Распутина. М. Б. Бабаева и Ш. А. Мазанаев обнаруживают в образе Настёны глубинные основы народной души (Бабаева, Мазанаев, 2022, с. 54). И. А. Филатова считает, что в повести «Живи и помни» женский образ усложняется: Настёна не только не бросает своего мужа-преступника, она еще и разделяет с ним его вину, его грех, не ропща при этом на свою судьбу (Филатова, 2012, с. 195). Но проведенные до сих пор исследования образов Настёны и Надьки не позволяют в полной мере выявить структурные особенности персонажей, с учетом того что персонаж – это «серия последовательных появлений или упоминаний одного лица; изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях, авторский анализ» (Гинзбург, 1976, с. 243), и вызывают к дальнейшему изучению.

В русской литературе в начале XXI века развитие женской темы стало заметным литературным явлением, привлечшим внимание многих отечественных и зарубежных ученых. Этот феномен

объяснялся как принятием западной феминистской литературной традиции, так и глубинной связью с традицией изображения женских характеров в русской классической литературе. В этой связи, по нашему мнению, исследование женских образов – Петровой и Марины (Снегурочка) – в романе писателя Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» продолжает указанную тенденцию.

Таким образом, целью исследования является изучение этих женских образов с упором на теоретический анализ понятия «новой женщины» как семантической единицы текста, во многом определяющей построение и развитие сюжета конкретного произведения.

Методы

Методология данной работы базируется на методах и приемах структурного анализа, а также учитывает достижения герменевтического подхода, как он понимается школой рецептивной эстетики.

Результаты

XIX ВЕК

В основу нашего подхода положено понятие «новой женщины», не смирившейся с традиционным патриархальным укладом и выходящей в своих поступках за рамки принятых представлений. При всем разнообразии Татьяна Ларина, Ольга Ильинская, Елена Стахова обладают типологическим сходством, что позволяет интерпретировать их сущность исходя из данного понятия.

Татьяна Ларина

Татьяна Ларина изображена как главный женский персонаж в романе Александра Пушкина «Евгений Онегин». По словам В. Г. Белинского, Пушкин «первый поэтически воспроизвел, в лице Татьяны, русскую женщину» (Белинский, 1955, с. 473). В своем понимании образа Татьяны еще дальше пошел Ф. М. Достоевский, противопоставив ее образ главному герою романа. «Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его» (Достоевский, 1984, с. 140).

В начале романа мы видим ее как «Другую» среди окружающих ее персонажей («...я здесь одна, / Никто меня не понимает, / Рассудок мой изнемогает, / И молча гибнуть я должна» (Пушкин, 2014, с. 71), но при столкновении с реальностью она преобразуется и предстает как идеальная светская женщина. С детства она знает общественные традиции, но не реагирует на них. В соответствии с обычаями русской аристократии, она изучает иностранный язык, французский, и увлекается иностранной литературой. Здесь она очень хорошо вписывается в нормы русского дворянского общества, о которых говорит Ю. М. Лотман: «На общем фоне быта русского дворянства начала XIX века “мир женщины” выступал как некоторая обособленная сфера, обладавшая чертами известного своеобразия. Образование молодой дворянки было, как правило, более поверхностным и значительно чаще, чем для юношей, домашним» (Лотман, 1983, с. 54). Но ее исключительность раскрывается, когда мы видим, как она полностью погружается в романтический и сентиментальный мир литературы и принимает на себя роли героинь.

Вопреки патриархальной традиции Татьяна открывает свой внутренний мир Онегину, первой объясняясь в любви. По мнению Е. А. Цветковой, «“Новая женщина”, конечно же, крайне утилитарна и лишена гендерной специфики» (Цветкова, 2022, с. 115). В этом поступке Татьяна преодолевает узкое понятие гендерной специфики. Не боясь стать объектом негативной оценки окружающего ее общества, она ломает принятые стереотипы и раскрывается перед читателем в новом качестве. По словам Лотмана, «Посылая письмо Онегину, Татьяна ведет себя по нормам поведения героини романа, однако реальные бытовые нормы поведения русской дворянской барышни начала XIX в. делали такой поступок немыслимым: и то, что она вступает без ведома матери в переписку с почти неизвестным ей человеком, и то, что она первая признается ему в любви, делало ее поступок находящимся по ту сторону всех норм приличия. Если бы Онегин разгласил тайну получения им письма, репутация Татьяны пострадала бы неисправимо» (Лотман,

1983, с. 230). Скорее, она озабочена своими чувствами, и становится глубоко несчастной, когда Онегин отвергнет ее любовь. Отказ Онегина, смерть Ленского, знакомство с книгами Онегина, настоянная матери на ее замужестве – все это приводит к метаморфозе. Ей не удастся преодолеть социальные реалии, но она успешно принимает социальные нормы и представляет себя светской женщиной, что делает ее соответствующей идеалу традиционной светской женщиной. Но эти социальные стереотипы меняют только внешние признаки принятого этикета, а сущность личности остается прежней: все та же мужественная и само-сознательная Татьяна. То, как она объясняет свое замужество [«Но я другому отдана» (Пушкин, 2014, с. 192)], рисует картину судьбы русской женщины в отношении брака и напоминает читателю, что ее мать тоже была отдана мужчине без ее согласия. Такое соединение судеб этих женщин говорит о том, что из поколения в поколение повторяется типичная ситуация: у женщин никогда не спрашивают их согласия на брак. Татьяна также не смогла выйти из этой ситуации, но признание этого факта не только говорит о ее супружеской верности, но и показывает судьбу женщины в отношении брака. Объяснение судьбы женщины в браке, определяемой обществом, – это то, что дает материал для современного гендерного исследования, результаты которого могут быть распространены на судьбы женщин разных эпох и разных народов. Ведь гендерный подход, по словам Г. А. Пушкаря, основан на идее, что важны не биологические различия между мужчинами и женщинами, а культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям (Пушкарь, 2007).

Ее последнее смелое признание в том, что она все еще любит Онегина [«Я вас люблю (к чему лукавить?)» (Пушкин, 2014, с. 191)], является самым сильным свидетельством внутреннего духа, который редко встречается у традиционных женщин, но становится сущностью нового типа женщины. Ее решение остаться верной своим супружеским обетам воплощает ее независимость, уверенность в себе, относится к ее русскости, неповторимости духовного строя новой женщины. Недаром в своей знаменитой речи Ф. М. Достоевский отметил, что «это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда» (Достоевский, 1984, с. 140).

Образ Татьяны несет в себе все традиционные качества, которыми должна обладать идеальная женщина, и в какой-то степени дух новых женщин, что указывает на изменение структуры взглядов русских женщин на жизнь в начале XIX века, и сочетание этих двух аспектов женственности благословляет ее на супружескую верность, которая поднимает женскую верность на более высокий духовный уровень. Вместе с тем благодаря финальной сцене объяснения структура персонажа выстраивается Пушкиным таким образом, что сюжет обретает новаторский характер открытого финала, «оконченности в форме неоконченности».

Ольга Ильинская

Другим вариантом, раскрывающим особенности «новой женщины», становится Ольга Ильинская в «Обломове» – творение И. А. Гончарова, где он передает переживания, поступки и мысли своей современницы. Конструируя ее образ, Гончаров ставит под сомнение социальное положение женщины в патриархальном русском обществе и одновременно изображает свою мечту о равенстве женщин с мужчинами. Поэтому изучение образа Ольги – это прекрасный материал для исследования гендерной составляющей в творчестве Гончарова, обусловившей структуру персонажа и предопределившей сюжет «Обломова».

По словам Д. И. Писарева, «Естественность и присутствие сознания – вот что отличает Ольгу от обыкновенных женщин. Из этих двух качеств вытекают правдивость в словах и в поступках, отсутствие кокетства, стремление к развитию, умение любить просто и серьезно, без хитростей и уловок, умение жертвовать собою своему чувству настолько, насколько позволяют не законы этикета, а голос совести и рассудка» (Писарев, 1955, с. 12). Поэтому весь роман можно рассматривать как запись ее пути от рефлексирующей девушки к зрелой женщине.

В юности ее деятельная любовь и чувство долга дают ей силу оживить спящую душу Обломова. И на мгновение ей удается вернуть его к жизни: «Он вдруг воскрес» (Гончаров, 2008, с. 234). Такова новая сущность, которую Гончаров закладывает в душу Ольги. Эта присущая ей

сила возрождения и желание стать проводником и водителем души мужчины представляют собой новые идеалы женственности, что делает ее исключительной среди женских персонажей XIX века, и именно поэтому А. Григорьев говорит, что она не «героиня нашей эпохи...» (Григорьев, 1915, с. 108).

Как и Пушкин, Гончаров активно использует эпистолярный код для характеристики отношений между персонажами. Однако его претворение в сюжет имеет свои особенности. В отличие от Татьяны, она не молча принимает отказ, а отстаивает свою любовь после получения письма от Обломова. Ее смелое заявление «– Никогда, ни за что!» (Гончаров, 2008, с. 286) в ответ на вопрос Обломова о том, готова ли она пожертвовать душевным спокойствием, общественным уважением и самоуважением, чтобы обрести награду любви, показывает ее уверенность и независимость, нежелание идти по пути традиционных женщин, которые учатся и готовы пожертвовать всем ради любви. Поэтому прав Н. А. Добролюбов, когда пишет: «Ольга, по своему развитию, представляет высший идеал, какой только может теперь русский художник вызвать из теперешней русской жизни, оттого она необыкновенной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармонией своего сердца и воли поражает нас» (Добролюбов, 1970). Это утверждение абсолютно верно, потому что Ольга никогда не довольствуется тем, что ей дано, а стремится к чему-то другому. Поэтому, когда она понимает, что душа Обломова не воскресла, она не считает это своей неудачей, а вполне резонно заявляет: «...я думала, что я оживлю тебя, что ты можешь еще жить для меня, – а ты уж давно умер» (Гончаров, 2008, с. 369). Сразу же после осознания истинной сущности Обломова она очень смело и сознательно заявляет: «...да я не такая: мне мало этого, мне нужно чего-то еще, а чего – не знаю!» (Там же, с. 371). Это желание чего-то другого ставит ее в оппозицию к традиционной женственности и делает ее новой женщиной.

Будучи прогрессивной женщиной, она сама принимает решение выйти замуж за Штольца. Но традиционная жизнь замужней женщины не может погасить ее новый женский дух. Она чувствует стремление к самопознанию и освобождению от традиционной гендерной роли. А. Коллонтай считает, что новая женщина не жертвует своими желаниями для благополучия семьи, но она отдает приоритет своим собственным внутренним чувствам. Традиционная роль в домашней жизни, а также социальные требования не могут связать ее независимую душу. Она, новая современная женщина, не умеет идти на компромисс со своим духовным «я» и «может простить многое из того, с чем всего труднее помирилась бы женщина прошлого: неумение мужчины доставить ей материальное обеспечение, небрежность внешнюю к себе, даже измену, но никогда не забудет, не примирится она с небрежным отношением к ее духовному “я”, к ее душе. Если ее друг “не слышит” ее, отношения теряют для новой женщины половину ценности» (Коллонтай, 1919, с. 20). Большинство характеристик новых женщин, о которых пишет А. Коллонтай, ярко присутствуют в Ольге: как новая независимая женщина, Ольга также ставит свои внутренние чувства выше того, что требуют от нее общество и традиционно распределенные роли, и не может быть удовлетворена тем, что ограничивается своей домашней ролью жены и матери. Подобно новой женщине, описанной А. Коллонтай, она также склонна уделять пристальное внимание своему духовному «я», а не материальным потребностям. У нее хватает смелости отвергать все, что противоречит ее моральным принципам. Вот почему Н. Добролюбов утверждает: «Она бросила Обломова, когда перестала в него верить; она оставит и Штольца, ежели перестанет верить в него» (Добролюбов, 1970).

Гончаров не только обозначает место новой женщины, которая ставит под сомнение социальную концепцию женственности, но и определяет, что такое традиционная женщина, выражая свою точку зрения через речь Штольца: «Многим женщинам не нужно ничего этого: раз вышедши замуж, они покорно принимают и хорошие и дурные качества мужа, безусловно мирятся с приготовленным им положением и сферой или так же покорно уступают первому случайному увлечению, сразу признавая невозможным или не находя нужным противиться ему: “Судьба, дескать, страсти, женщина – создание слабое” и т. д.» (Гончаров, 2008, с. 465). Ольга противопоставлена здесь большинству женщин, поскольку она «другая» среди них. Справедливо

пишет Соколовский, что Ольга – это «тот идеал, к осуществлению которого должна стремиться современная жизнь» (Соколовский, 1991, с. 30).

Логично заключить, что Ольга – это видение и материализация Гончаровым образа русской женщины XIX века, которая, воплощая свою идеальную сущность, направляет развитие сюжета в новое русло, где именно она, а не мужские персонажи, становится активным двигателем действия.

Елена Стахова

Являясь «сокрытым двигателем» внутреннего движения в сюжете личных отношений, Ольга Ильинская тем не менее не достигает в своей деятельности той степени, которая позволяет женщине стать активной фигурой в общественной борьбе за переустройство мира. Русская литература требовала расширения границ деятельности женщин за пределами интимных отношений в системе героев. Ответом на этот запрос стал образ Елены Стаховой в романе «Накануне», созданном И. С. Тургеневым практически одновременно с гончаровским «Обломовым». По словам А. А. Бельской, «Тургенев одним из первых в отечественной словесности обращается к изображению типа активной, независимой, самостоятельной женщины» (Бельская, 2016, с. 67). Как писатель он всегда выступает за гендерное равенство и женскую эмансипацию в своих произведениях. Его женские персонажи ценятся во всем мире как законодатели моды на женскую эмансипацию и известны как «тургеневские героини». Елена из «Накануне» – не исключение.

Ее сущность быть «Другой» была очевидна с детства: «Она росла очень странно; сперва обожала отца, потом страстно привязалась к матери и охладела к обоим, особенно к отцу. В последнее время она обходилась с матерью, как с больною бабушкой; а отец, который гордился ею, пока она слыла за необыкновенного ребенка, стал ее бояться, когда она выросла, и говорил о ней, что она какая-то восторженная республиканка, бог знает в кого!» (Тургенев, 1974, с. 25). Авторы *Russian Women* также уделяют внимание ее исключительности: в детстве Елена не получила никакого образования; мать отдала ее на воспитание сентиментальной гувернантке, которая заинтересовала Елену литературой. Но одни лишь абстрактные занятия не могли удовлетворить любящую и деятельную душу девочки. Ей нужна была деятельность, деятельность во благо (*Russian women*, 2002, р. 44). Это желание действовать во благо проявляется во многих реакциях Елены: «Потом она утихала, даже смеялась над собой, беспечно проводила день за днем, но внезапно что-то сильное, безымянное, с чем она совладеть не умела, так и закипало в ней, так и просилось вырваться наружу» (Тургенев, 1974, с. 28).

Касаясь особенностей духовного становления героини, Добролюбов отмечал: «Развитие Елены основано не на большой учености, не на обширном опыте жизни; лучшая, идеальная сторона ее существа раскрылась, выросла и созрела в ней при виде кроткой печали родного ей лица, при виде бедных, больных и угнетенных, которых она находила и видела всюду, даже во сне» (Добролюбов, 1860, с. 19). С самого детства она лелеет мечту насладиться «полной свободой Бога», о которой она узнала от Кати, маленькой девочки и подруги Елены, которой Елена много помогала едой и деньгами. Ее желание парить, как птица, можно интерпретировать как стремление к индивидуальности, независимости и свободе от любых социальных ограничений, которые сковывают ее душу рамками традиционных представлений о женственности.

Хотя образ Инсарова более высоко оценен и глубоко исследован современной Тургеневу критикой и последующими поколениями литературоведов, в некотором смысле образ Елены заслуживает большего внимания и признания, особенно благодаря ее решению пожертвовать собой ради независимости болгарского народа даже после смерти Инсарова. Ю. В. Лебедев пишет: «Елена Стахова олицетворяет молодую Россию накануне предстоящих перемен. Кто нужнее ей сейчас: люди науки или искусства, государственные чиновники или героические натуры, готовые на гражданский подвиг. Выбор Еленой Инсарова дает недвусмысленный ответ на этот вопрос» (Лебедев, 1990, с. 391). Поэтому логично упомянуть о том, о чем пишет Б. М. Проскурнин: «мы видим новый тип женщины, новый тип женского мышления, поведения, жизненных ценностей, неоднозначно пробивающий свой путь в сложной и противоречивой жизни, вопреки жестким

обстоятельствам и с жертвою собственным благополучием во имя высоких и благородных целей добра, справедливости, счастья многих, а не только избранных» (Проскурнин, 2017, с. 128).

Таким образом, Елена предстает как структурно новый вариант женского образа России XIX века, сочетающий новую женственность с желанием служить человечеству. По мнению Е. Сулейменовой, в годы действия романа во многих европейских странах возникло общественное женское движение, его участницы боролись за равноправие с мужчинами, они активно протестовали против распространенного в стране патриархата, но не силой, конечно, потому что они были женщинами. Однако у некоторых из них это желание выразилось в литературном творчестве, в котором стали появляться соответствующие женские образы (Suleimenova, 2022, p. 210). И те черты, которые Тургенев прививает образу Елены, делают ее одним из тех женских персонажей, которые желают и борются за эмансипацию и чьи эмансипационные стремления сосуществуют с желанием активно участвовать в служении человечеству. Создавая сюжет «Накануне», Тургенев использует пушкинский прием открытого финала, однако его функция оказывается иной: в отличие от Татьяны Лариной, дальнейшая судьба героини будет зависеть не только от ее личного выбора, но и от изменяющейся социальной ситуации, предсказать которую Тургенев еще не мог.

XX ВЕК

Говоря о структуре персонажа, необходимо его дифференцировать, отделив от близкого по существу термина «герой». «Персонаж шире понятия “герой”, и в практике употребления терминов (система персонажей – но лирический герой), и в сфере использования (“герой” употребляется при характеристике структуры произведений всех трех родов литературы)» (Польшикова, 2008, с. 164). Здесь нужно обозначить еще одно отличие. Говоря о женских типах в литературе позапрошлого века, мы видели, что понятие героя вплотную связывалось с темой героического. Героиня, совершая тот или иной поступок, брала на себя определенную социальную ответственность. Литература XX – XXI веков показала, что, обретая формальное равноправие с мужчинами, женщина столкнулась с новыми вызовами, не известными героиням прошлого. На примерах произведений В. Распутина и А. Сальникова мы попытаемся поставить и отчасти решить их.

Настёна

Героиня повести «Живи и помни» Настёна – персонаж, на изображении которого сосредоточен автор. Она обладает чертами характера, свойственными традиционному типу русской женщины: трудолюбием, добротой, любовью к крестьянскому физическому труду.

Отступая от хронологии повествования, В. Распутин рассказывает о прошлой жизни Настёны – раннем сиротстве, нищете, а затем о жизни в семье Андрея, где ее откровенно не любили. Форгешихте как основной принцип организации сюжета позволяет писателю создать многогранный художественный образ и одновременно развернуть временную перспективу повествования, доведя его до времени последних лет Великой Отечественной войны. Именно в эпоху страшных военных испытаний открылись лучшие черты героини.

После ухода мужа на фронт Настёна заботилась о своих свекре и свекрови. Чтобы поддержать воюющих на фронте, она каждую зиму работала в колхозах и каждый день с нетерпением ждала возвращения мужа. Когда он сбежал из больницы, все ее надежды и средства к существованию исчезли, и с тех пор она жила жизнью страха, лжи и лицемерия.

Настёна винила себя в том, что ее муж сбежал. Она считала, что слишком сильно скучала по мужу, что заставило его совершить ошибку. Из любви и верности своему мужу она поклялась хранить его секреты. Будучи беременной, Настёна терпела обиды своей свекрови, и даже когда та выгнала ее из дома, а люди указывали на нее и сплетничали, она не назвала имени своего мужа. Настёна, зная, что она поступила неправильно, не смогла убедить мужа, сделала все возможное, чтобы искупить вину, и, подписываясь на облигации, она без колебаний подписала на 2000 рублей.

Наряду с деталями, раскрывающими образ Настёны в фабульном аспекте, писатель прибегает к архетипическим чертам, углубляющим изображенный характер. Образ Настёны овеян фольклорными мотивами. В то же время в нем изначально заложен глубокий трагический смысл. Уже в начале повести Распутин пишет: «Настёна кинулась в замужество, как в воду, – без лишних раздумий» (Распутин, 2007, с. 14). Ангара в поэтическом описании Распутина получает особый мифопоэтический смысл, поглощая в финале повести героиню в своих водах. Мотив утопления становится, таким образом, сюжетообразующим, охватывая кольцом все повествование.

Надька

Надька занимает гораздо меньше места в повествовании, но в ее характере также легко обнаружить глубокую человечность, она такая живая, надежная подруга Настёны в деревне Атамановка, и, что бы ни случилось, Надька по характеру совсем не похожа на Настёну, она человек веселый, взрывной. «Где Надька – там обязательно гвалт, смех, пересмешки, в которых больше всего ей же и доставалось, но которые без нее не начинались...» (Распутин, 2007, с. 74).

Она была такой же чужой, как Настёна, но не жила так, как главная героиня. Поскольку свекровь ненавидела ее, она и ее муж Витя ушли от свекрови и стали жить одни. Витя, трудолюбивый, добрый, спокойный человек, всегда улыбался на ее шум, и у них было трое милых детей. Надька была счастливой женщиной, любящей своего мужа и своих детей. Но в первый год войны Витя погиб на поле боя, что изменило характер Надьки и сделало ее более раздражительной. Увидев, что чужой муж благополучно вернулся с фронта, она подумала, что она имеет отношение к смерти мужа. Семья из пяти человек могла бы жить счастливо, но из-за войны Надька потеряла любящего мужа, трое детей потеряли отца и мать, которая могла бы быть доброй и нежной.

Автор неслучайно достаточно подробно описывает судьбу Надьки. Это еще одна поломанная войной жизнь. Писатель ярко продемонстрировал опустошение человеческой природы войной с помощью деликатного изображения психологии Надьки.

З. Фрейд предложил специфическую схему личности. В структуру личности включаются три инстанции: «Оно» («Ид») – подсознание, «Эго» («Я») – сознание, «СуперЭго» («СверхЯ») – сверхсознание (Кэлвин, 1999, с. 45). Настёна и Надька – представители доброты и храбрости, но они не могли уравновесить противоречие между своими собственными потребностями и национальными интересами. В отличие от Андрея, Настёна обладает сильным чувством коммуникативности и хотела сделать все возможное, чтобы сохранить свое «эго», но она истощена в конкуренции между «эго» и «супер-эго» и, наконец, потеряла свое «эго». Проверка высокой морали для человеческой природы заключается в том, чтобы уметь сохранять ясность ума перед лицом бедствий и помнить о своей ответственности. Между этими тремя силами нет очевидной границы, но они исчезают в процессе смешивания друг с другом. Распутин осмелился прямо взглянуть в лицо реальной жизни. Описание судьбы Настёны и Надьки вскрыло бессознательное в глубинах национальной памяти и подняло вопрос о человеческой природе. В то же время он также предупредил выживших людей помнить о бедствиях, вызванных войной, и не повторять те же ошибки.

Механизмы обобщения, представленные в судьбах главных персонажей, позволили читателю увидеть в них отражение судьбы народной «в один из драматических моментов истории» (Панкеев, 1990, с. 123).

Таким образом, мы постарались показать основные способы раскрытия характера двух главных женских героев повести «Живи и помни».

Понизив социальный статус женских персонажей в сравнении с представительницами русского дворянства, В. Распутин не опростил сюжетную структуру, но, напротив, сделал ее более динамичной, насытив трагическими мотивами. Проблема равноправия ушла на второй план, уступив место равной доле, независимо от гендера, перед ужасами войны.

XXI ВЕК

Роман А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» рассказывает историю обычной русской семьи. Петровы – молодая пара, развелись, но по некоторым причинам живут вместе.

Их спокойную жизнь портит тяжелый вирусный грипп, а семейная драма превращается в странный, смешной и галлюциногенный сон. В повествование начинает просачиваться нездешний морок.

Реальность, фиксируемая Сальниковым, безрадостна, агрессивна и безумна до абсурда. Впрочем, «ад – это мы сами» (Довлатов, 1993, с. 28), и эта мысль присутствует в «Петровых в гриппе и вокруг него». Н. Л. Зыховская и Е. В. Новикова считают, что «сложность переплетения сюжетных линий, неоднозначность трактовок персонажей, оригинальность идейных, интертекстуальных и композиционных аспектов повествования и определяют своеобразие романа» (Зыховская, Новикова, 2020, с. 98). Автор нарушает логическую схему рассказа, большую часть времени события развиваются иррационально, между сценами нет четкой зависимости, а структура повествования не столько следует традиционным приемам написания романа, сколько разворачивается в форме потока сознания, нагромождающего фрагменты, смешивающего фантазии и воспоминания в голове Петрова в один кусок. Используемые в романе символические образы, такие как «просроченный аспирин», «комиксы» и «вставная челюсть», погружают читателей в некую иллюзию, в чем-то напоминающую цирковое представление. Автор не фокусирует свой роман на последовательном развитии фабулы, а направляет читателей на размышления об обществе с помощью сценариев, один за другим находящих между реальностью и фантазией.

Петрова

Петрова – жена героя Петрова, по профессии она библиотекарьша, и в очках она выглядит нежно и элегантно. Когда она была спокойна, она рассказывала мужу о библиотечных делах или о книгах. «Петрову нравилось, когда жена была так спокойна» (Сальников, 2022, с. 102). Но однажды на работе в библиотеке пьяный муж пришел тиранить заведующую детским отделом. «... а Петрова слегка намяла ему бока и пошатала парой нежных крючков слева и справа, а потом с трудом изобразила отвращение от вида его крови, капавшей на паркет большими каплями, и досаду за сбитые костяшки на кулаках. Все тогда удивились, стали расспрашивать, не занималась ли Петрова боксом, но Петрова отговорила тем, что подсмотрела все это в кино и это у неё получилось случайно» (Сальников, 2022, с. 169). Петрова в этот момент воплотилась в «Женщину-рыцаря». Когда она вытерла кровь со своих рук и надела элегантные очки, она снова стала сотрудницей библиотеки и обычной женщиной. И, вернувшись домой, она была матерью своего сына. Забота о домашнем задании мальчика, о приготовлении ужина ничем не отличают ее от повседневной заботы огромного большинства женщин. Но, когда сын случайно порезал палец, она посмотрела на вытекающую кровь, увидела кухонный нож и вообразила, что разом размозжила шею сына, что кровь булькала, и что осуществление насилия, как удовлетворение желания, дало ей удовольствие от наслаждения. Она даже думала убить мужа Алины ножом и тщательно планировала соответствующий сценарий. Мотив убийства постоянно приходил в ее голову.

Настойчивое педалирование А. Сальникова весьма значимо в плане изменений в создании структуры женского персонажа. В сравнении с героинями русской прозы XIX – XX веков здесь конфликт сознательного и бессознательного, «Я» и «Оно», занимает важное место, во многом определяя способ существования персонажа в двух пространствах – реальном и воображаемом, которые оказываются равноправными по отношению друг к другу.

Вместо того чтобы исправлять зло и продвигать добро, Петрова оказывается побежденной болью и недоброжелательностью к сыну, в мгновенном проявлении наполняясь безумием недифференцированного убийцы. Если при создании главного образа героини В. Распутин обращается к архетипическим структурам, подчеркивающим роль коллективного бессознательного в формировании характера, то А. Сальников погружает жену Петрова в пучину персонального мифа с явно выраженными чертами эдипова комплекса.

Марина (Снегурочка)

Марина – сестра Вити, родом из маленького города Невьянска, имеет «рентгеновское зрение» и может видеть голых мужчин. Хотела она вернуться на родину и развиваться вместе со своим парнем Сашей, но была отвергнута семьей Саши. Марина сыграла Снегурочку на новогодней

елке, организованной ее парнем. Работая репетитором английского языка, она вступила в отношения со студентом Игорем. После распада Советского Союза переехала с ребенком в Австралию. Когда Петров был маленьким, Снегурочка Марина с холодными руками выглядела счастливой, хотя на самом деле наполнена слезами и болью во время новогодней елки.

В русских народных сказках Снегурочка – хорошо знакомый персонаж. По одной из версий она помощница Деда Мороза, а по другой – дочь снега и весны, растворяющаяся в неосуществленном любовном романе. И в песне о любви, и в народной сказке это существо, принадлежащее только зиме и скрытое саморазрушением. У Сальникова Снегурочка – сквозной образ, связывающий отца и сына общим комплексом амбивалентных событий.

В глазах Петрова-отца Снегурочка во сне сквозь пространство и время видела эпидемию. Содержание сновидений пронизывают прошлое и настоящее, благодаря чему совершается преломление реальности и перевод ее в новое фантастическое измерение.

Снегурочка красива и дружелюбна, многие считают ее идеализированным воплощением жизни в Советском Союзе 1970-х годов, но далее, как показывает А. Сальников, за пределами новогоднего карнавала она весьма далека от счастья и благополучия. Можно также предположить, что Снегурочка в воображении Петрова оказывается еще одной стороной его личности, преломленной потоком сознания.

Благодаря образу Снегурочки восстанавливается прерванное единство отца и сына Петровых. Прием, реализующим это единство, становятся сюжетные повторы, рифмующиеся сюжетные ситуации, такие как упоминание Петровым холодной Снегурочки на новогодней елке. На протяжении всего романа сам герой и его близкие ссылаются на это детское воспоминание:

1. «А Петров, глядя на многочисленный снег вокруг себя, на пятиэтажный дом через дорогу, вспомнил вдруг, как на ёлке в раннем детстве женщина, или девушка, изображавшая Снегурочку, взяла его за руку, а рука у неё была совершенно ледяная, и маленький Петров подумал: “Настоящая”» (Сальников, 2022, с. 47).

2. «...Петров вдруг стал вспоминать, что как-то ходил на новогодний праздник, и там его взяла за руку Снегурочка, и рука у Снегурочки была правда холодная, как у настоящей» (Сальников, 2022, с. 182).

Появление таких повторений в тексте не случайно: это один из сюжетных маркеров-сцепок, выстраивающих внутренний сюжет романа, необходимый для того, чтобы автор смог раскрыть подробности встречи главного героя с Мариной.

Структура романа похожа на симфонию, которая втягивает читателей в омут безумия, искусно продвигая повторяющиеся вспышки сюжетов через призму болезни, как картины, разыгрываемые в голове больного гриппом. В уникальной писательской технике автор переносит персонажей из локации в локацию, перескакивает из эпохи в эпоху, а воспоминания о советском периоде переплетаются с впечатлениями от сегодняшней России.

А. Сальников причудливо смешивает архетипические черты русской женщины (традиционные представления о семье) и черты героини комиксов, настроенной на убийство. Таким же амбивалентным оказывается образ Снегурочки. Структура повествования рушится, уступая место ризоме. Петрова жаждет разрушить эти догмы и правила, выдумывая страстные любовные сцены и сцены убийства. Перед лицом обременительной и тривиальной семейной жизни у нее даже возникло желание убить сына. «Снегурочка» Марина – персонаж куда более бунтарский и печальный, ее происхождение презирали родители ее парня. Она занималась сексом со своим 17-летним учеником и забеременела, а в итоге уехала с сыном в далекую Австралию. Как и ее сказочный персонаж, «Снегурочка» – внучка Деда Мороза, с которым она посылает поздравления с Новым годом, но, будучи олицетворением снега и льда, она не понимает, что происходит, и когда влюбляется, ее сердце становится теплым, а ее тело от этого тает и исчезает. Эта линия истории ключевая, здесь сходятся все ветви и персонажи, вся история сводится в замкнутую цепочку, Марина и «Снегурочка» сливаются в единое целое, придавая роману поэтическую красоту.

«Снегурочка» не может перешагнуть через эти два с лишним десятилетия, не может при-своить себе образ Снегурочки сегодня, но прекрасное того года воплощается в этой фантазии. Снегурочка – важный персонаж русской народной сказки, она – важная часть состава русской культуры, но она деконструируется по мере взросления ребенка, и есть намек на изменение традиционного значения.

Выводы

В данной статье мы собрали и проанализировали несколько типичных и знаковых женских образов в русской литературе XIX–XXI веков и, таким образом, начали исследовать влияние факторов поклонения женщинам в русских культурных традициях, отраженных в русской литературе, а также подробно разработали общие характеристики женских образов и проанализировали их статус и значение в творчестве писателей и в истории русской литературы. По результатам анализа можем утверждать, что женский образ является не только объектом описания и восхваления мастеров русской литературы, но и средством выражения ими своих нравственных идеалов. Это важная часть их выдающихся литературных достижений, и она играет значительную роль в русской классической литературе.

Исследование трех женских образов XIX века в теоретических рамках типа новой женщины выявляет новые черты в структуре женских образов в русской литературе XIX века. Татьяна, идеальная традиционная русская женщина, предстает в определенной степени с сущностью новой женщины, что свидетельствует о начале изменений в структуре женских образов данного исторического периода. Гончаровская Ольга не только отвергает традиционную гендерную роль и предстает как новая женщина, но и в то же время поднимает некоторые вопросы о положении женщины в российском обществе XIX века. Тургеневская Елена – литературное воплощение сущности новой женщины, которая сочетает в себе дух новой женственности с желанием служить человечеству. Таким образом, эти три женские фигуры обозначают структурные изменения женского образа, произошедшие в контексте России XIX века.

В повести «Живи и помни» В. Распутин использует форму повествования, чтобы рассказать о выборе, сделанном обычной парой на берегах реки Ангары, столкнувшейся с внезапным испытанием, поднимающим вопросы морали и человечности. Как социальные личности, живущие в мире, они тесно связаны со своими родственниками, коллективом и страной. Сталкиваясь с конфликтом между национальными интересами и личными, герои должны формировать этику, способную выдержать испытание, и продолжать совершенствоваться, чтобы гарантировать, что лодка, плывущая по течению, не потеряет своего курса.

В романе «Петровы в гриппе и вокруг него» образы героинь – Петровой и Снегурочки Марины – бунтарские и радикальные. Петрова как раз принадлежит к этническому меньшинству, и это ее метафора в этом романе. Марина по-своему борется с дискриминацией, обусловленной ее происхождением и сословными предрассудками. Мужчины в глазах Марины обнажены – казалось бы, абсурдный взгляд, но он снимает с мужчин все ярлыки, включая «классовую принадлежность», и восстанавливает их как мужчин.

Источники

- Амирханян В. В., Кудряшов И. А. (2015) Образ персонажа в аспекте семантической структуры целостного художественного текста. Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Сборник материалов конференции. <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/kudryashov-amirhanyan.html>.
- Бабаева М. Б., Мазанаев, Ш. А. (2022) Своеобразии изображения женских образов в повестях В. Г. Распутина. Вестник Дагестанского государственного университета Серия 2. Гуманитарные науки, т. 37, вып. 3, с. 53–57.
- Белинский В. Г. (1955) Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии 1843; Статьи о Пушкине : 1843–1846. М., Изд-во Акад. наук СССР, 740 с.
- Бельская А. А. (2016) Смысловая нагрузка запаха в контексте образа главной героини романа И. С. Тургенева «Накануне». Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки, т. 1, № 70, с. 66–73.
- Бродский Н. Л. (1932) Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., Мир, 247 с.

- Воронцова-Юрьева Н. В. Татьяна Ларина как объект психиатрии. Proza.ru. <https://proza.ru/2008/06/27/189>.
- Гинзбург Л. Я. (1976) О психологической прозе. Л., Художественная литература, 448 с.
- Гончаров И. А. (2008) Обломов. М., АСТ МОСКВА, 493 с.
- Григорьев А. А. (1915) Собрание сочинений Аполлона Григорьева. Под редакцией В. Ф. Саводника. М., Типолитография т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, № 10, 136 с.
- Добролюбов Н. А. (1860) Когда же придет настоящий день? Public Domain, 38 с.
- Добролюбов Н. А. (1970) Что такое обломовщина? В кн.: Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. Издание подготовил Ю. Г. Оксман. М., Наука. http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0022.shtml
- Довлатов С. (1993) Собрание прозы в трех томах. Т. 1. СПб., Лимбус-пресс, 416 с.
- Достоевский Ф. М. (1984) Полное собрание сочинений : в 30 томах. Т. 26: Дневник писателя 1977, сентябрь-декабрь – 1880, август. Л., Наука. Ленингр. отд-ние, 518 с.
- Зыховская Н. Л., Новикова Е. В. (2020) Своеобразие романа А. Сальникова «Петровы в gripпе и вокруг него»: идейные, интертекстуальные и композиционные аспекты. Филологические науки, № 3 (52), с. 97-104.
- Коллонтай А. (1919) Новая мораль и рабочий класс. М., Всероссийский центральный исполнительный комитет советов р., к. и к. депутатов, 61 с.
- Кэлвин Х. (1999) Теория личности. М., ЭКСМО-Пресс, 592 с.
- Лебедев Ю. (1990) Тургенев. М., Молодая гвардия, 607 с.
- Лотман Ю. М. (1983) Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., Просвещение, 416 с.
- Набоков В. В. (1998) Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., Искусство-СПБ : Набоковский фонд, 924 с.
- Панкеев И. А. (1990) Валентин Распутин: по страницам произведений. М., Просвещение, 144 с.
- Писарев Д. И. (1955) «Обломов». Роман И. А. Гончарова. Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859-1862. М., Государственное издательство художественной литературы, с. 3-17.
- Польшикова Л. Д. (2008) Персонаж. В кн.: Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М., Изд-во Кулагиной : Intrada, 358 с.
- Проскурнин Б. М. (2017) «Накануне людей дела»: новый тип женщины в творчестве Джордж Элиот и И. С. Тургенева. Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, т. 9, вып. 3, с. 117-131.
- Пушкар Г. А. (2007) Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой). Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 234 с. <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/tipologija-i-pojetika-zhenskoj-prozy-gendernyj-aspekt-na-materiale-rasskazov-t.html>.
- Пушкин А. (2014) Евгений Онегин: роман в стихах, стихотворения. СПб., Азбука-Аттикус, 448 с.
- Распутин В. Г. (2007) Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Иркутск, Издатель Сапронов Г. К.
- Распутин В. Г. (2015) Живи и помни. М., Эксмо, 640 с.
- Сальников А. Б. (2022) Петровы в gripпе и вокруг него. М., АСТ: Редакция Елены Шубиной, 411 с.
- Соколовский Н. (1991) По поводу романа «Обломов» (Письмо к редактору «Отечественных Записок»). В кн.: Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. Сборник статей. Сост. М. В. Отрадин. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 304 с.
- Тургенев И. С. (1974) Накануне. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 150 с.
- Филатова И. А. (2012) Динамика женских образов в творчестве В. Г. Распутина (на примере повестей «Деньги для Марии», «Живи и помни», «Дочь Ивана, мать Ивана»). Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, № 6, с. 194-196.
- Цветкова Е. А. (2022) Концепция «Новой женщины» в работах А. М. Коллонтай. Вопросы студенческой науки, № 1 (65), с. 112-115.
- Russian women, 1698-1917: Experience & Expression: An Anthology of Sources (2002). Bloomington: Indiana University Press, 408 p.
- Suleimenova E. (2022) Archetypal Images in the Novel “Nakanune” by I. S. Turgenev. Philology series, vol. 185, no. 1, pp. 207-215.

References

- Amirkhanyan V. V., Kudryashov I. A. (2015) Obraz personazha v aspekte semanticheskoy struktury tselostnogo khudozhestvennogo teksta [The image of a character in the aspect of the semantic structure of an integral literary text]. Yazyk i pravo: aktual'nyye problemy vzaimodeystviya [Language and law: actual problems of interaction Collection of materials of the conference]. <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/kudryashov-amirhanyan.html> (In Russian).
- Babaeva M. B., Mazanaev Sh. A. (2022) Svoyeobraziye izobrazheniya zhenskikh obrazov v povestyakh V. G. Rasputina [The originality of the image of female images in the novels of V. G. Rasputin]. Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities, vol. 37, no. 3, pp. 53-57 (In Russian).
- Belinskiy V. G. (1955) Polnoye sobraniye sochineniy v 13 t. T. 7: Stat'i i retsenzii 1843; Stat'i o Pushkine : 1843-1846. Complete works in 13 volumes. V. 7: Articles and reviews 1843; Articles about Pushkin: 1843-1846. Moscow, Publishing House Acad. Sciences of the USSR, 740 p. (In Russian).

- Belskaya A. A. (2016) Smyslovaya nagruzka zapakha v kontekste obraza glavnoy geroini romana I. S. Turgeneva "Nakanune" [The semantic load of the smell in the context of the image of the main character of the novel by I. S. Turgenev "On the Eve"]. Scientific notes of Orel state university. Series: Humanities and social sciences, vol. 1, no. 70, pp. 66–73 (In Russian).
- Brodsky N. L. (1932) Kommentariy k romanu A.S. Pushkina "Yevgeniy Onegin" [Commentary on A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"]. Moscow, Mir Publ., 247 p. (In Russian).
- Calvin H. (1999) Teoriya lichnosti [Theory of personality]. Moscow, EKSMO-Press, 592 p. (In Russian).
- Dobrolyubov N. A. (1860) Kogda zhe pridet nastoyashchiy den'? [When will the real day come?]. Public Domain, 38 p. (In Russian).
- Dobrolyubov N. A. (1970) Chto takoye oblomovshchina? [What is Oblomovism?]. Russkiye klassiki. Izbrannyye literaturno-kriticheskiye stat'i [Selected literary and critical articles]. The publication was prepared by Y. G. Oksman. Series "Literary Monuments". Moscow, Nauka Publ. http://az.lib.ru/d/dobrolyubov_n_a/text_0022.shtml (In Russian).
- Dostoevsky F. M. (1984) Polnoye sobraniye sochineniy : v 30 tomakh. T. 26: Dnevnik pisatelya 1977, sentyabr'-dekabr' – 1880, avgust [Complete works: in 30 volumes. V. 26: Diary of a writer 1977, September-December – 1880, August]. Leningrad, Nauka Publ., 518 p. (In Russian).
- Dovlatov S. (1993) Sobraniye prozy v trokh tomakh. T. 1 [Collected prose in three volumes. Vol. 1]. St. Petersburg, Limbus-Press, 416 p. (In Russian).
- Filatova I. A. (2012) Dinamika zhenskikh obrazov v tvorchestve V. G. Rasputina (na primere povestey "Den'gi dlya Marii", "Zhivi i pomni", "Doch' Ivana, mat' Ivana") [Dynamics of female images in the works of V. G. Rasputin (on the example of the novels "Money for Maria", "Live and remember", "Ivan's daughter, Ivan's mother"). Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk – Actual problems of Humanities and Natural Sciences, no. 6, pp. 194–196 (In Russian).
- Ginzburg L. Ya. (1976) O psikhologicheskoy proze [About psychological prose]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 448 p. (In Russian).
- Goncharov I. A. (2008) Oblomov [Oblomov]. Moscow, AST Publ., 493 p. (In Russian).
- Grigoriev A. A. (1915) Sobraniye sochineniy Apollona Grigor'yeva [The Collected Works of Apollon Grigoriev]. Ed. by V. F. Savodnik. Moscow, Typography by I. N. Kushnerev & Co, no. 10, 136 p. (In Russian).
- Kollontai A. (1919) Novaya moral' i rabochiy klass [New morality and the working class]. Moscow, All-Russian Central Executive Committee of the Soviets of R., K. and K. deputies, 61 p. (In Russian).
- Lebedev Yu. (1990) Turgenev [Turgenev]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 607 p. (In Russian).
- Lotman Yu. M. (1983) Roman A. S. Pushkina "Yevgeniy Onegin". [A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"]. Comment: Manual for teachers. Leningrad, Prosveshcheniye Publ., 416 p. (In Russian).
- Nabokov V. V. (1998) Kommentariy k romanu A. S. Pushkina "Yevgeniy Onegin" [Commentary on the novel by A. S. Pushkin "Eugene Onegin"]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB : Nabokovskiy fond Publ., 924 p. (In Russian).
- Pankeev I. A. (1990) Valentin Rasputin: po stranitsam proizvedeniy [Valentin Rasputin: on the pages of works]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 144 p. (In Russian).
- Pisarev D. I. (1955) "Oblomov". Roman I. A. Goncharova. Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 1. Stat'i i retsenzii 1859-1862 ["Oblomov". The novel by I. A. Goncharov. Essays in four volumes. Volume 1. Articles and reviews 1859-1862]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, pp. 3–17 (In Russian).
- Polshikova L. D. (2008) Personazh [Character]. In: Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy [Poetics. Dictionary of actual terms and concepts]. Moscow, Kulagina Publishing House : Intrada, 358 p. (In Russian).
- Proskurnin B. M. (2017) "Nakanune lyudey dela": novyy tip zhenshchiny v tvorchestve Dzhordzh Eliot i I. S. Turgeneva. ["On the eve of people's affairs": a new type of woman in the works of George Eliot and I. S. Turgenev]. Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, vol. 9, issue. 3, pp. 117–131 (In Russian).
- Pushkar G. A. (2007) Tipologiya i poetika zhenskoy prozy: gendernyy aspekt (na materiale rasskazov T. Tolstoy, L. Petrushevskoy, L. Ulitskoy) [Typology and poetics of women's prose: gender aspect (based on the stories of T. Tolstoy, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya). Diss. ... Cand. Philol. Sci. Stavropol, 234 p. <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/tipologija-i-pojetika-zhenskoj-prozy-gendernyj-aspekt-na-materiale-rasskazov-t.html> (In Russian).
- Pushkin A. (2014) Yevgeniy Onegin: roman v stikhakh, stikhotvoreniya [Eugene Onegin: A Novel in Verses, Poems]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 448 p. (In Russian).
- Rasputin V. G. (2007) Sobraniye sochineniy v 4 t. T. 3 [Collected works: in 4 volumes. Vol. 3]. Irkutsk, Publisher Saponov G. K. (In Russian).
- Rasputin V. G. (2015) Zhivi i pomni [Live and Remember]. Moscow, Eksmo Publ., 640 p. (In Russian).
- Russian women, 1698–1917: Experience & Expression: An Anthology of Sources (2002). Bloomington: Indiana University Press, 408 p.
- Salnikov A. B. (2022) Petrovy v grippe i vokrug nego [The Petrovs in and around the Flu]. Moscow, AST Publ., Edited by Elena Shubina, 411 p. (In Russian).
- Sokolovskiy N. (1991) Po povodu romana "Oblomov" (Pis'mo k redaktoru "Otechestvennykh Zapisok"). In: Roman I. A. Goncharova "Oblomov" v russkoy kritike. Sbornik statey [A. Goncharov's novel "Oblomov" in Russian criticism. Digest of articles]. Comp. M. V. Otradin. Leningrad, Publishing House of the Leningrad University, 304 p. (In Russian).
- Suleimenova E. (2022) Archetypal Images in the Novel "Nakanune" by I. S. Turgenev. Philology series, vol. 185, no. 1, pp. 207–215.

- Tsvetkova E. A. (2022) Kontsepsiya "Novoy zhenshchiny" v rabotakh A. M. Kollontay [The concept of the "New Woman" in the works of A. M. Kollontai]. Voprosy studencheskoy nauki – Questions of student science, no. 1 (65), pp. 112–115 (In Russian).
- Turgenev I. S. (1974) Nakanune [On the Eve]. Novosibirsk, West Siberian Book Publishing House, 150 p. (In Russian).
- Vorontsova-Yur'yeva N. V. Tat'yana Larina kak ob'yekt psikhiiatrii [Tatiana Larina as an object of psychiatry]. Proza.ru. <https://proza.ru/2008/06/27/189> (In Russian).
- Zykhovskaya N. L., Novikova E. V. (2020) Svoyeobraziye romana A. Sal'nikova "Petrovy v grippe i vokrug nego": ideynnye, intertekstual'nyye i kompozitsionnyye aspekty [The originality of A. Salnikov's novel "Petrovs in and around the Flu": ideological, intertextual and compositional aspects]. Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, no. 3 (52), pp. 97–104 (In Russian).

Информация об авторах

Лу Чэнь

Аспирант кафедры истории и теории литературы. Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-1137-7535.
E-mail: 1767574158@qq.com

Нури Джаннат

Доцент кафедры английского языка. Ноахалийский научно-технический университет, Ноахали, Бангладеш. Аспирант кафедры истории и теории литературы. Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, РФ. ORCID ID: 0000-0002-1079-1948.
E-mail: nurejannat00@gmail.com

Author's information

Lu Chen

PhD student, Department of History and Theory of Literature, Institute of Humanities. Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-1137-7535.
E-mail: 1767574158@qq.com

Nure Jannat

Assistant Professor, Dept. of English. Noakhali Science and Technology University, Noakhali, Bangladesh. PhD student, Department of History and Theory of Literature, Institute of Humanities. Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0002-1079-1948.
E-mail: nurejannat00@gmail.com